

Всякий капитан – примадонна

Моим детям

– Пункт для пункт!
*Hanns-Martin Geismar, немецкий
 адвокат*

1

В Учалинском районе, на две трети закопавшись в почвы, а одной смотря в мир, покоился мансуровский гранитный самородок весом более двадцати пяти тонн. Граниту было не то пять, не то шесть миллиардов лет, и его жизнь только начиналась. Эту самородную глыбу почти ничего не отличало от таких же глыб, разбросанных по миру и Вселенной. Он не был самым большим представителем гранитов, но и маленьким не считался. От всей своей породистой братии он отличался только одним: мансуровский гранит умел думать...

2

Идешь – задыхаешься. В воздухе мокрая взвесь пытается вселенской рекой утопить легкие... Осень...

Падающий осенний лист. Он разбух от дождей, а потому летит фанерой... Нет в осени золота, не блестит она янтарем, и кровавого не видно. Труха одна. С небес только одна весть – послание неизбывной зимы, пока только в форме нестерпимого запаха дьявольской мокроты. Холодный воздух, смешанный с озоном. Дальше отвратительную нездоровую хлябь скует льдом.

Можно жить и осенью.

Спорно.

Можно проживать осень, терпеть харкающих грязью бесов в надежде на короткую зиму.

То ли дело Весна! Весна. В ней – все!

Остальные времена похожи на смерть. Лето – раскаленная, наполненная выхлопными газами душегубка, зима вообще не для жизни – только белый предсмертный цвет сушит взгляд. Но особенно осень! В это

время года даже дети в детсадах унылые, плохо смеющиеся, сонные, как перед длительной спячкой. Сон – тренировка смерти...

А Нестор Сафронов, уже вторую неделю умирающий в хосписе, вводящий на пике боли в кровь наркотик, отвыв нестерпимые муки, все принимается смеяться. Даже можно сказать – ржет, после того как его торкнет! Смеется не от передозировки, а от одного только ему известного. К умирающему заводили даже психиатра, но почему-то пахнувший формалином молодой мозговед заверял, что мозги у Нестора Сафронова работают прилично, без всякого помешательства.

Собственно говоря, и пусть его, пусть ржет, палата отдельная, друзья пожертвовали на уход Нестора Сафронова из жизни приличную сумму, хватит даже на двоих Несторов Сафроновых.

А чего он все-таки ржет?!

...любил блины со сметаной! Блины на кефире! Бабкины!.. Бабка без хосписа обошлась. Села на стульчик – и встретила с Господом.

– А папа умирает? – поинтересовался с неким благоговейным любопытством, смешанным со страхом, мальчик лет десяти. Он приподнял голову, ища глаза матери, в то время как тонкую белую кисть его руки сжимали желтые сухие пальцы отца.

Мать никогда не состояла в браке с отцом. Она роняла слезы, но не из жалости к Нестору, а потому что находилась сейчас в тесноте со смертью, проецируя ее на себя. От проекции тридцатипятилетняя женщина жалела свою опавшую грудь, терла носовым платком не слишком чистую кожу лица, сыну же не отвечала, позабыла о нем... Умный мальчик и так понимал, что его отцу конец, как в компьютерной игре, где нет уже дополнительной жизни.

Game over!

Нестор Сафронов опять заржал, подмигнул бесцветным глазом, чем смутил бывшую жену окончательно.

– Другой левел! – объявил Нестор хрипло, все крепче сжимая сыновью руку. – Другой!

Мальчик хотел было освободить руку от жесткой хватки умирающего, но вдруг передумал, так как испугался обидеть отца. Он его очень любил, немислимо, и не представлял, как останется в жизни без папы – в этом омерзительном мире, с равнодушной ко всему матерью и младшей сестрой-змеей, которые отравляли все его существование полным непониманием мужской сущности. К своим десяти годам он прочитал сотню книг, говорил на хорошем английском, фантазировал, как будущий физик, замешанный с лириком, тогда как женская часть семьи лишь потребляла жизнь примитивно, как сгущенное молоко из банки.

Максимальный труд – проделать в банке две дырки и высасывать из нее содержимое.

БАНКУ СО СГУЩЕНКОЙ добывал отец.

Главный тот, КТО ДОБЫВАЕТ СГУЩЕНКУ!

Мальчик не мог сдержаться. Он заплакал. Слезы потекли свободно, пытаясь смыть крупные веснушки.

Здесь Нестор Сафронов ржать перестал, ослабил хватку и, как в былые времена, произнес с нежностью:

– Что ты, Птичик, я с тобой! Прислонись ко мне, я обниму и дам тебе силы!

Он всегда так делал, когда сын вдруг пугался жизни, – просто прижимал к себе детскую душу и истинно напрягался, пытаясь поделиться с ребенком своей уверенной жизнью. Мальчик глубоко вдыхал отцов запах, а затем выдыхал все свои проблемы прочь.

И сейчас Нестор Сафронов приподнялся в кровати, потянул слабые руки к сыну, но испуганная мать отдернула мальчика от прощающегося, да так неловко, что чуть было не выдернула ребенку сустав из плеча.

Нестор, захватив руками пустое пространство, качнулся всем иссохшим телом и обессиленно упал на подушки. Мальчишка старался подавить рыдания, а его мать про себя лихорадочно желала, чтобы Нестор поскорее... того... Замучил! Всю жизнь мучил, вот и теперь... Другие – три дня, а он... Как все это болезненно для детей!

Нестор Сафронов нажал большим пальцем на кнопку капельницы, впрыснул в затмевающую разум боль наркотик, хохотнул, затем произнес тишайше: «Другой левел!», облился последним потом и, выкатив глаза, умер.

Еще с десятков секунд из его раковых легких стравливался воздух, но давящийся рыданиями мальчик уже считал с отцовского лица смерть и почувствовал себя сиротой. Он сделал глубокий вдох, вбирая в себя последний, наследный выдох отца.

Мать облегченно перекрестилась, потянула ребенка на выход, а мальчик, упираясь, вдруг перестал плакать и принялся ей вслед шептать:

– Сука!.. – злобно. – Сука!!! Сука!!!

После смерти Нестора их жизнь ухудшилась.

Мать двоих детей, она лишь сейчас начала понимать, что Нестор, которого она на дух не переносила, все же был крепкой бетонной стеной между нею, детьми и остальным миром. Ей и в голову не приходило, как трудно даже распоряжаться деньгами, не то что их зарабатывать.

Уже через пару месяцев она что-то продала – какие-то активы, бумаги, за, казалось, огромную сумму, но сотни тысяч утекли куда-то в неизвестность, сквозь пальцы речку унесло, и не осталось от них и рублика единого.

Родная тетка Рая смотрела на нее как на безумную, когда она рассталась за бесценок с загородным домом Нестора. Как будто специально стирала из жизни память об отце своих детей.

– Он же пуп надорвал, строя его!

– Да здоровей его не было на сто километров! – отвечала племянница.

– А-а! То-то он умер в сорок!

Птичик, слушая диалог женщин и составляя при этом сложнейший пазл, изображающий службу Папы Бенедикта XVI в храме Святого Петра, отпускал замечание:

– Сука!

– Анцифер! – тетка Рая грозно.

– Фирка! – мать.

Она, бывшая танцовщица-народница с тяжелым задом, было развернулась, напряглась всем коренастым телом, чтобы запустить мысок мускулистой ноги в мягкое место сына, но была в домашней тапке, промахнулась, выстрелив растоптанной обувью точно в вазу, оставшуюся от бабки Нестора. Ваза грохнулась на пол, став на мгновение маленьким хрустальным взрывом.

– Сука! – повторил Птичик.

Тетка густо глотнула из чашки чая и принялась с явным безразличием глядеть в окно.

В этот момент из своей комнаты явилась младшая сестра Птичика. Тихонько подошла к матери и зашептала что-то в ухо.

Такие действия сестры особенно выводили Птичика из себя. Отец, собирая детей в загородном доме, запрещал наушничать и наказывал за несоблюдение сокращением просмотра телевизора.

– Говорите всё вслух! – просил отец. – И запомните: меня не станет, вашей мамы, вы останетесь самыми родными людьми на земле! Понятно?

– Да, папочка! – сразу же соглашалась дочка. – Конечно! Только ты будешь жить вечно!

Она ластилась к отцу, теребя его короткие, перец с солью, волосы и повторяла:

– Какой ты нам, папуся, красивый дом построил! – Смеялась озорно и, глядя отца ладошкой по голове, сообщала: – Ежик!

Нестор на глазах обмякал, чуть ли не скулил от удовольствия.

– Если бы твоя мать хоть на пять процентов взяла от тебя женское!.. – горестно вздыхал ежик. – Ты поняла, что я сказал? – это относилось к сестринской любви.

– Папочка, да я люблю Птичика больше жизни!

И это было правдой.

– А ты, Птичик?

– Чего?

Он таких разговоров не выносил, понимая, что Верка хитрюга из хитрюг. Он же быть хитрым не умел. Был пока прост и честен.

– Ты любишь сестру?

– Не особо, – признавал Птичик. – Как-то не очень... Прости, пап!.. Но иногда люблю!..

Отец расстраивался и уходил к себе работать над проектом какого-нибудь очередного особняка для олигархов...

Нестор умер, и Верка теперь по десять раз на дню шептала матери на ухо какие-то заговоры против Птичика, вот как сейчас. И не было на нее отцова присмотра.

– Сучка! – приговорил брат сестру.

– Вот! – демонстративно развела руками девочка, не забыв при этом взглянуть на себя в зеркало, отмечая, что она по-прежнему хорошенькая. Такие глазки красивые, носик пуговкой и ушки в сережках, подаренных папусей на семилетие.

– И когда я от вас замуж съеду!..

Птичик всех поразил на похоронах отца.

Прощались в Доме архитектора.

Мать, сидя в изголовье гроба, с трудом сдерживала зеवоту. Верка наяривала по всем кнопкам портативной игровой приставки, стараясь загнать темные силы в угол экрана и расстрелять их из АК-47.

Птичик сидел в ряду близких крайним, был собран, бледен и все глядел на лицо отца, нос которого был устремлен ввысь к парадной люстре...

Потом было Ваганьковское. Вырытая рядом с известным артистом яма пахла тоской. Перед уложением гроба в могилу речей почти не произносилось – так, короткие реплики: «земля пухом», «как рано ушел», «талантище»... Все уже наговорились панегириков до хрипа на официальной панихиде и в церкви. Ждали пьяных поминок...

Здесь еще и дождик пошел... Какая-то дура прорыдала: «Природа плачет по Нестору!»

От Верки не укрылось, что за мокрыми надгробиями, глядящими фаянсовыми фотографиями на новичка, прячутся молодые особы, блондиночки и шатеночки.

Она объяснила матери, что это студентки папусы и кое-кто еще...

– Папусю жалеют!

– Ага, – поняла мать, уставшая от ритуалов.

Батюшка поторопил:

– Прощайтесь! – Боялся, что влага с небес размочит грим мертвеца и произойдет конфуз. Такое часто случалось на памяти пахнущего прогорклым маслом служителя культа. И так болезнь изуродовала лицо покойника. – И народного не потопчите! – предостерег он, имея в виду свежий могильный холм артиста.

Двое водителей-персональщиков, папин Сережа и мамин азербайджанец Омар, подняли крышку гроба и хотели было закрыть тело хозяина, как неожиданно раздался вопль Анцифера.

– Подождите! – вскричал мальчик! – Подождите!

Он рванулся к гробу, развел руки, как птица перед взлетом, но вместо взлета упал на отцовскую грудь и запросил отчаянно:

– Папочка, дай мне сил! – обнимал его крепко. – Дай сил!!!

Присутствующие всплакнули, особенно особы женского пола, да и из-за надгробий кто-то взрыднул. Те, кто покрепче, принялись стаскивать мальчишку с тела покойного, а он все что-то говорил, про какой-то там левел...

Верка была потрясена. Она поделилась с матерью: Фирка слабак, будущего у него нет, в школе таких слабаков каждую перемену в угол затирают. Она сама видела.

– Зачем? – механически спросила мать.

– Ну там под дых, по яйцам!

– Уймись! – зашипела мать грозно, на что Верка обиделась и все поминки демонстративно отворачивала от матери глаза, беззастенчиво строя их лысому начальнику отдела Москомимущества. Лысый был неприятно смущен и вскоре отбыл на чиновничью дачу.

Конечно, Верка вскоре помирилась с матерью, так как не могла спать одна, всегда под утро приползала в материнскую постель. В этот раз она притащилась с блинами и кутьей, коих осталось достаточно от поминок. Рис рассыпался по всей простыне, и утром недовольная мать соскабливала его со своей танцовщицкой задницы накрашенным алым ногтем.

Верка, казалось, не ощущала смерти отца. Был – и не был!.. Поскольку жили разными домами и дети приезжали к Нестору только на выходные и каникулы, то в московской квартире для детей ничего не изменилось. Верка вела прежний образ жизни, не желала учиться: а зачем? Изводила материнскую косметику, доставала Птичика мелкими подставами – в общем, готовилась стать женой.

Она уже целовалась с Борькой, ровесником и одноклассником Птичика, которого знала с двух лет. И надо отметить, в последующую пятилетку избраннику своему восьмилетняя невеста не изменяла, именно за Борьку собиралась выйти замуж. Терпела, не заглядывалась на мальчишек, даже когда Борьку родители увезли на учебу в Испанию. Дожидалась декабристской женой новогодних праздников, когда Борхито, так назвал Борьку отец, приезжал в Россию вспомнить снег и подарить своей Верке что-нибудь испанского... Ну и там целовались, конечно, а Птичик из шкафа подглядывал...

– Ну, ты даешь, Верка! – восхищался при жизни Нестор ранним осознанием дочери того, что ее будущая карьера – семья.

– А чего, пап?

Прошло два месяца после смерти отца, и Птичик стал просыпаться ночами от Веркиного плача. Она, маленькая, в ночи скулила как щенок, а он, старший, неуклюже гладил ее по волосам, сам плакал, и в эти моменты два маленьких человека были самыми родными друг другу...

Утром обычно Верка забывала о своей ночной тоске, становилась прежней стервой, устраивала перед школой мелкие подставы Птичику, за что он получал от матери обычного, но такого обидного пинка.

Материнская несправедливость взрывалась в мозгах Птичика адреналином, он рыдал в голос и орал, что Верка первая начала, она стерла в компьютере игру, и что в четырнадцать он свалит из дома, и когда Верка выйдет за Борьку замуж, мать останется одна, он ей даже своих внуков не покажет!

– А я покажу! – радовалась Верка. – У нас с Борькой трое будет! Но мы тоже отдельно жить будем!.. Две девочки и мальчик! Мальчик не будет дураком!

– Сука!

– Мам, опять!..

Мать не желала слушать про гипотетических внуков. Она еще сама была молода, гормоны мучили плоть, времени на поклонников не оставалось, да и поклонников не имелось, а потому в каникулярное время мать выезжала в Турцию. Там проживал Ромео ее сердца,

двадцатитрехлетний Хабиб, который в течение каникул за скромное вознаграждение исполнял кобелиные обязанности, так что мать неизменно возвращалась похудевшей и в хорошем настроении.

Теперь, когда Нестор умер, детей не к кому было отправить на каникулы, а гормоны взрывали мозг, так что Птичику доставалось от матери по полной. Что-то у нее замкнулось в маленькой голове! Птичик был похож на Нестора, Нестор ее содержал и все решал, Нестор платил за ее секс, а Анцифер по малолетству сделать ничего этого не мог. Ну и получал все тем же коленом под зад... За все, что не сложилось у матери!.. За отца своего.

Когда делили наследство Нестора, единственное, что потребовал Птичик, – большой холодильник с ледогенератором из загородного дома.

Он настоял, что это будет его личная вещь и поставит он мощный агрегат к себе в комнату! Отец любил холодильники. Их было в подвале аж шесть штук. Все до отказа забитые продуктами. «На случай войны», – оправдывался Нестор.

– Чокнутый, как и отец твой! – злилась мать.

– А ты – компьютер в сорок мегабайт!

Мать не разбиралась в мегабайтах, Верка тем более. Тогда Птичик объяснил, что в сорока мегабайтах хранится информация, равная пяти фотографиям.

– Так папа про тебя говорил!.. И еще, что ты как лошадь Мюнхгаузена, у которой половину туловища обрезало. Она пьет из фонтана воду, а с другого конца вода выливается!.. Вот!

Птичик был доволен, но мать не поняла ни про фотографии, ни про лошадь Мюнхгаузена...

– Тебе говоришь – ты вроде как все понимаешь, а в туалет сходишь – и!.. – пояснил Анцифер. – Все туда!

На этот раз мать выкрутила ему ухо до цвета спелой малины. Птичик выдержал, не орал, а ссылался на отца, что то были его слова.

– И еще он говорил, что тебя под яблоню нужно закопать! Вкусные яблоки будут!

Матери вдруг вспомнился теплый и темный, как ад, Хабиб с его вскриками «ты мой богинь!», с опытными руками эротомана и упругим задом. Ей надоело крутить ушные раковины сына, она оттолкнула Птичика, отрешилась от всего, села в кресло и сидела в нем с потерянными глазами.